

I Глениныи

I

— Держись, парень! Держись! — бормотал Роуэн, в то время как волны с невероятной силой обрушивались на корабль, заставляя палубу ходить ходуном.

Казалось, веревка вот-вот выскользнет из рук, но Роуэну все же удалось обвязать ее вокруг пояса. Он бросился вперед. Затягивать узел крепче было некогда. Это произойдет само собой, когда веревка натянется под весом его тела. А если нет... ему придется умереть.

Роуэн покатился кувырком по круто накренившейся палубе. Привязанная к основанию сломанной мачты веревка рывком оставила его у самого борта.

— Хватай меня за руку, Эльрик!

— Господин... — Рев моря заглушал слова юноши. — Я не могу.

— Можешь! — прохрипел Роуэн, протягивая ладонь пятнадцатилетнему оруженосцу.

Он, Роуэн Даремский, сын богатого графа и в то же время бедный рыцарь Христа и Храма Соломона, позаботится о том, чтобы его подопечный пережил и эту, последнюю, битву с разъяренным Северным морем. Неужели после стольких лет совместной борьбы на Святой земле их настигнет такая бесславная смерть? По дороге домой! Роуэн сказал себе, что *не допустит* этого.

— Можешь! — снова крикнул он, на этот раз тише, но настойчивее.

Про себя крестоносец молил Бога не быть столь жестоким.

Мокрые пряди волос облепили худое лицо Эльрика. И без того большие глаза расширились от смертельного ужаса. Такой взгляд Роуэну уже не раз доводилось видеть в битве, когда воин понимал, что противник сильнее и ему не спастись.

— Руку! Всего лишь дай мне руку, Эльрик!

Роуэну не хватало буквально пары дюймов, чтобы дотянуться до пальцев Эльрика, вцепившихся в обломок доски. Острый край впивался в ладонь оруженосца, рассекая кожу. Кровь смешивалась с бурлящей морской водой. Другой рукой Эльрик держался за канат, грозивший в любую секунду оборваться. Ледяная вода не давала юноше собраться с силами. Его губы давно посинели, а лицо было бледнее мела, из-за чего глаза казались еще более темными. Юноша был похож скорее на призрак, чем на живого человека.

Если бы только проклятый корабль хоть немного выпрямился! Вокруг бушевал шторм, но «Мартин Турский» оставался почти недвижимым. Незадолго до этого корабль наскочил на скалы (удар был таким сильным, что Роуэну показалось, будто его внутренности вот-вот разорвутся) и, накренившись, застрял между ними. Где-то позади, вернее наверху, команда торгового судна также вела борьбу за жизнь, но Роуэн об этом почти не думал.

Он попытался вытянуться еще сильнее и почти прикоснулся к кончикам пальцев юноши.

— Эльрик, проклятый глупец, ты будешь гореть в аду, если не протянешь мне свою чертову руку! Руку, Эльрик! *Живо!*

Оруженосец внезапно улыбнулся, и его лицо приняло добродушно-укоризненное выражение — Роуэну уже приходилось видеть его, и, верно, не менее тысячи раз. Но сейчас эта знакомая улыбка повергла тамплиера в ужас.

— Господин, капеллан Хьюард советовал вам не ругаться, если вы не хотите попасть в ад.

Пальцы Эльрика разжались и скользнули по дереву. Нет, он не пытался ухватиться за руку Роуэна: у юноши просто кончились силы.

Там, где только что была голова оруженосца, теперь виднелась лишь бурлящая белая пена.

— Нет! — закричал Роуэн. — Эльрик, нет! *Нem!*

Время остановилось. Роуэн больше не слышал дикого рева взбесившихся волн. Он не мог оторвать глаз от места, где только

что видел Эльрика. С глупой надеждой Роуэн ждал, что юноша вынырнет. Но время шло, и он понял: этого не произойдет.

Говорят, незадолго до смерти перед глазами пронесится вся жизнь... Роуэн вспомнил тот далекий день, когда Эльрик, улыбочивый, озорной мальчишка, поступил к нему на службу... и как ответственность тяжелым грузом легла на его узенькие плечи, когда оруженосцу пришлось отправиться за своим господином в Палестину. Там улыбка все реже и реже озаряла лицо юноши. Вместо нее проступали немое отчаяние и страх — в последний раз это произошло, когда мусульмане окружили их на пылающих полях под Хаттином... А теперь от Эльрика ничего не осталось. Ничего, что бы Роуэн мог отвезти его родителям...

Проклятье!

Спустя какое-то время Роуэн услышал голос, заставивший его повернуться и начать карабкаться по накренившейся палубе наверх, туда, где связанные сундуки и бочки вместе с упавшим парусом образовывали нечто, за что можно было ухватиться. Тамплиер медленно, пядь за пядью, поднимался по веревке. Его мысли бушевали не меньше, чем буря вокруг. Почему Бог наказал юного Эльрика, а не его? Потому что жить дальше — еще большее наказание для него?

Жерар, окликнувший Роуэна французский торговец, обхватил полными руками бочку с хорошим франкским вином и молился. Больше тамплиер никого не видел — лишь неясные тени среди пены и летящих во все стороны брызг. Волны одна за другой бились о корпус корабля, секли Роуэна по лицу больше, чем град, и смывали с него горячие слезы. Нужно было позаботиться о себе. С этой мыслью Роуэн обвязал прикрепленную к обломку мачты веревку еще и вокруг одной из бочек. «Теперь следует помолиться», — сказал он себе, но в голову ему не шла ни одна молитва. Наверное, ему помогли бы четки, но Роуэн давно их потерял. Мысли об Эльрике не давали ему покоя. Прошло еще какое-то время, и буря начала постепенно стихать.

— Не зря я назвал корабль именем святого — заступника всех купцов! — В смехе Жерара было что-то безумное. — Почти весь мой товар испорчен. Я разорен. Но мы, по крайней мере, живы.

Роуэн оглянулся в поисках уцелевших. Двое матросов держались за вставшие дыбом доски. Один из нанятых Жераром людей

уцепился за такелаж обрушившейся мачты. Рядом с ним был еще один крестоносец, который в Палестине находился под командованием Роуэна.

Шесть душ пережили эту бурю, десять оказались за бортом. Роуэн развязал веревку и вскарабкался на верхнюю часть палубы, чтобы окинуть взглядом море.левой рукой тамплиер держался за поручень; правая привычным движением нащупала на мокрой коже штанов пояс с висевшими на нем ножами. Остальное оружие и доспехи Роуэна сейчас, вероятно, покоились на морском дне. Но хотя бы ножи — для хлеба, охотничий и боевой — остались при нем.

Скользя взглядом по белым барашкам успокаивающихся волн, Роуэн пытался прогнать из головы мысли об Эльрике и о других погибших. Размышлять о том, было ли ошибкой отправляться домой в начале весны, тоже не имело смысла. Прошлого не изменишь. Зиму они провели в жалком прибежище на французском побережье; ждать дальше не было сил...

Сейчас главное выжить. Но как? Горизонт был затянут тучами, такими серыми и плотными, как будто над этим морем начиналось еще одно. Ветер сгонял их в мрачные клубящиеся горы. Вдали танцевали черные точки — беспокойные, растревоженные чайки. Что за горизонтом? Земля? Англия? Родной Нортумберленд?¹ Непогода длилась несколько дней; корабль могло занести куда угодно. Как бы то ни было, скала, на которую налетел «Мартин Турский», была слишком далеко от берега.

Роуэн обернулся и начал осматривать сбившиеся в груды ящики, бочки, сундуки, канаты и обломки досок, пытаясь понять, можно ли соорудить из них что-то, способное плыть по воде. Он увидел собственный сундук, зажатый между выломанными досками палубы. Удивительно, что при таком изрядном весе он не пошел ко дну. Впрочем, чудом было уже то, что Роуэн смог спасти его после проигранной битвы у Хаттина. Видимо, Бог хотел, чтобы драгоценные палестинские святыни все-таки попали в Дарем.

Как только Роуэн подумал об этом, сквозь тучи, точно знак Господень, пробился тонкий солнечный луч. Тамплиер перекрестился.

¹ Графство на северо-востоке Англии.

— Мы выживем! — хрипло крикнул Роуэн. Горло у него болело, а плечи дрожали от холода. — Держитесь крепко, пока ветер не утихнет. А затем мы проверим, что у нас осталось из провизии, попробуем разбить на скале небольшой лагерь и станем думать о том, что делать дальше.

— Святой Мартин, помоги нам! — закричал Жерар. — Мы едва уместимся на этом камне даже стоя.

Да, им будет тесновато, но все же это лучше, чем оставаться на обломках палубы разбитого корабля. Осторожно, держась одной рукой за такелаж, Роуэн приблизился к Жерару, чтобы помочь ему спуститься с бочки. Моля Мартина Турского и многочисленных других святых не дать ему упасть в воду, француз неловко пробрался к борту, затем перешагнул через него, нерешительно ступил на черную скалу и, поскользнувшись на склизких водорослях, растянулся.

Шторм тем временем стал лишь печальным воспоминанием. Море успокоилось, но с неба посыпались первые капли дождя. Роуэн раздумывал, не попытаться ли им собрать немного дождевой воды. Как скоро их всех начнет мучить невыносимая жажда? Уцелевших бочек с водой он нигде не заметил. Одна, обвязанная веревкой, была пробита и опрокинута. Возможно, в ней осталось еще немного драгоценной жидкости...

— Подними и принеси сюда эту бочку, если сможешь! — крикнул Роуэн одному из матросов. — Эльвульф, отрежь несколько кусков веревки и дай их мне. А ты, Кэдмон, позаботься о владельце корабля. А то он сейчас, чего доброго, споткнется о гнездо чайки и полетит в море.

Сам Роуэн взобрался к одному из сундуков, открыл его и достал оттуда несколько свертков ткани.

— Святые угодники! — воскликнул Жерар, увидев, как тамплиер несет их к скале. — Что вы делаете с остатками моего драгоценного товара? Разве того, что рыбы сейчас проплывают над чудесными франкскими кухонными ножами, которые я собирался продать в Ньюкасле, недостаточно? Зачем вы пачкаете дорогую фландрскую парчу? Ее заказал лично епископ Даремский!

Роуэн размотал один из свертков и начал привязывать край полотна к остаткам борта. Жерар завопил так, словно с него